

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ: НЕРУССКИЕ СРЕДИ РУССКИХ, РУССКИЕ ЗА РУБЕЖОМ

Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики¹

В.И. МУКОМЕЛЬ

Переломить негативные тенденции сокращения численности населения и трудовых ресурсов России в обозримом будущем не удастся, иммиграция для России – не вопрос выбора, а вопрос необходимости. Особое значение приобретают проблемы социализации иммигрантов, их адаптации и интеграции. В статье рассматриваются альтернативы миграционной политики, социокультурные ограничения интеграции, проблемы социальной исключенности мигрантов, контуры политики интеграции, конъюнктурные и фундаментальные проблемы ее реализации. Политика интеграции должна быть дифференцирована по отношению к разным группам мигрантам. Следует выстраивать систему адаптации и интеграции, предполагающую селекцию мигрантов и, одновременно, предоставляющую мигрантам возможность планирования биографии. Наряду с трансформацией социальной среды необходимы институциональные преобразования, особенно, в сфере образования, судебной системе, в армии, правоохранительных органах.

Ключевые слова: иммигранты, трудовые мигранты, интеграция, адаптация, социализация, ксенофобия, мигрантофобии, социальная исключенность, акторы политики

Имеются две альтернативные точки зрения на перспективы развития России. Согласно первой – Россия должна развиваться, базируясь на русско-православном культурном ядре. Приверженцы этой позиции, озабоченные социальными и этноконфессиональными последствиями миграций, склонны к изоляционизму и жесткому ограничению притока иммигрантов.

Альтернативная позиция: исходя из долгосрочных демографических, экономических и политических интересов, России без иммигрантов не обойтись. Особо значимым показателем в этой связи представляется сокращение численности трудовых ресурсов: по последнему прогнозу Федеральной службы статистики в 2010–2030 гг. при сокращении численности всего населения на 2,8 млн чел. население в трудоспособном возрасте сократится, по «среднему варианту», на 12,1 млн чел. [Предположительная численность... 2009]. Особенно критической выглядит ситуация в 2012–2017 гг., когда численность населения в трудоспособном возрасте будет ежегодно сокращаться более чем на 1 млн чел.

Масштабное сокращение трудоспособного населения создает принципиально новую ситуацию на локальных рынках труда России. Дефицит трудовых ресурсов не может быть сглажен мерами демографической политики (результаты которых, при самых благоприятных условиях, скажутся только после 2025 г., когда на рынок труда выйдут поколения 2007–2008 гг. рождения). При этом нехватка рабочих рук

¹ Статья основывается на результатах, полученных в ходе реализации проекта «Иммиграция в Россию: социальное измерение», поддержанного фондом МакАртуров. (грант № 06-88535-00-GSS).

не сможет быть сколько-нибудь существенно компенсирована повышением производительности труда, автоматизацией и механизацией производств – в силу того, что в современной, обслуживающей экономике основная часть рабочих мест создается в третичном и четвертичном секторах, где сложно механизировать труд и где сегодня трудится большинство россиян. По сути, единственным источником компенсации сокращения трудовых ресурсов на ближайшие десятилетия будет оставаться миграция.

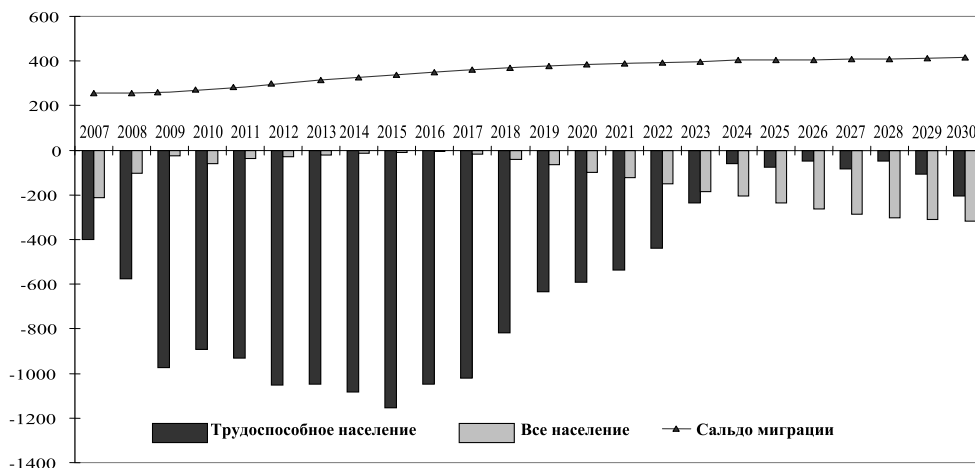

Рисунок 1. Динамика численности населения и населения в трудоспособном возрасте в 2007–2030 гг. с учетом миграции (Росстат, 2009 г., «средний вариант»)

Дефицит рабочих рук – только один пласт проблемы, другой заключается в неуклонном снижении численности населения России. Если дефицит трудовых ресурсов может быть (чисто гипотетически) восполнен притоком временных трудовых мигрантов, то депопуляция может быть сглажена исключительно притоком иммигрантов, переселяющихся в Россию на постоянное жительство². И поэтому иммиграция для страны – это не вопрос выбора, а вопрос необходимости. Иммиграция становится важнейшим элементом поддержания потенциала экономического развития, сохранения стабильности в отдельных регионах, обеспечения национальной безопасности.

Независимо от стратегического выбора следует готовиться к тому, что приток иноэтничных мигрантов возрастет в разы. Согласно прогнозу Росстата миграционный прирост в 2011–2030 гг. составит 10,5 млн чел. по «высокому варианту» и 7 млн чел. – по «среднему», что существенно выше современных масштабов. В связи с этим встают проблемы четкого осознания новых вызовов, сопряженных с притоком выходцев из иных социумов, с иными традициями и культурой межэтнических взаимодействий. Фокус проблем миграционной политики России смещается в социально-культурную сферу, особое значение приобретают вопросы социализации иммигрантов. Если не удастся обеспечить адаптацию и интеграцию³

² При самом благоприятном развитии событий в «высоком варианте» прогноза Росстата естественная убыль населения России в 2011–2030 гг. составит 5,0 млн чел. [Предположительная численность...2009].

³ Под адаптацией понимается приспособление мигрантов к принимающему сообществу (часто довольно поверхностное), знание и поведение с учетом традиций и норм, принятых местным населением. Под интеграцией – процесс встречного движения культур принимающего социума и культур мигрантов, смещение культурных норм и ценностей, изначально функционировавших сепаратно и, возможно, противоречащих друг другу.

иноэтнических мигрантов, превратить их в лояльных граждан независимо от этнического происхождения и государства выхода, то в недалеком будущем их массовый приток превратится в глобальную проблему.

Социокультурные барьеры интеграции

В настоящее время имеются определенные социокультурные ограничения политики интеграции. Наряду с долгосрочными, слабо подверженными изменениям факторами (специфический исторический опыт и традиции межкультурного взаимодействия принимающего населения, особенности и стереотипы общественного сознания россиян) особое значение для политики интеграции приобретают интеграционный потенциал принимающего общества, адаптивные возможности мигрантов, социальные практики взаимодействия с мигрантами принимающего населения.

К сожалению, ксенофобные настроения распространены во всех слоях российского общества: лозунг «Россия для русских!», по опросам социологов, поддерживается большинством респондентов [Россия для русских... 2009]. Эти настроения устойчивы в российском обществе с начала 2000-х гг. И если в 1998 г. этот лозунг в той или иной мере поддерживали 43% респондентов, в 2002 г. – 49%, то в последующие годы его поддержка не опускалась ниже 53% [Общественное мнение... 2008, с. 144]. Распространенность ксенофобных настроений провоцирует рост расистских нападений: по самым осторожным подсчетам количество жертв расистского и ксенофобно ориентированного насилия в последние годы составило примерно 500–600 чел., из которых гибнет каждый шестой [Кожевникова 2010]⁴.

Большинство россиян не одобряет расистские нападения: отвечая на вопрос «Как Вы относитесь к действиям группировок (скинхедам и им подобным), которые нападают на приезжих из Азии и с Кавказа?», 71% респондентов однозначно ответили, что не одобряют подобные действия⁵. Однако часть опрошенных осуждают всего лишь методы, но не взгляды скинхедов, а 2% респондентов полностью солидаризируются с деятельностью скинхедов, демонстрируя не только культурный, но и физический расизм.

Настораживает и тот факт, что на смену достаточно толерантной молодежи конца 1980–1990-х гг. приходят другие когорты, социализировавшиеся в более ксенофобском социальном контексте. Молодежь солидарна с самыми жесткими мерами по отношению к мигрантам и меньшинствам. В массовом обследовании молодежи на вопрос: «Как следовало бы поступить с незаконными мигрантами?» – 22% респондентов ответили, что их следовало бы ликвидировать, 21% – что их следует «изолировать от общества» [Даффлон 2008, с. 27–28].

С ксенофобией сталкиваются представители всех «видимых меньшинств». Однако в первую очередь ксенофобии проецируются на представителей мигрантских, не традиционных для данной местности меньшинств. Притом, что обыватель, в массе своей, не различает национальность конкретного мигранта: «Они все на одно лицо». Как заметил другой респондент, – «не люблю китайцев, даже если это таджики».

Этническая принадлежность иммигрантов – это ключевая проблема. В российских дискурсах о мигрантах их гражданская принадлежность подменяется эт-

⁴ В 2009 г. зафиксирован спад расистски мотивированных нападений. Вероятно, определенную роль сыграла более жесткая позиция властей и возросшее число уголовных дел по соответствующим статьям УК РФ.

⁵ Исследование проведено в ноябре 2008 г. сотрудниками Института социологии РАН (ИС РАН) и Центра этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) на базе Российского мониторинга экономики и здоровья населения (РМЭЗ), 11864 респондента. Здесь и далее, если не оговорено особо, приводятся результаты данного исследования.

ническим происхождением; национальность в обыденном сознании превалирует над гражданством. Преувеличенное значение этничности, пронизывающее все аспекты социальных контактов и, в первую очередь, затрагивает мигрантов: мигрантофобии имеют явную этническую этиологию. Приток мигрантов воспринимается россиянами как нарушение сложившегося общественного порядка, пусть хрупкого и неустойчивого. И как следствие – противодействие мигрантам рассматривается принимающим населением как восстановление статус-кво.

Огромную роль играет специфика нашего социального обустройства. В обществе отсутствует вера в себя, в других людей, в совместно построенные институты; люди доверяют лишь ближайшему окружению – семье, родственникам, друзьям⁶; отторжение «чужих» становится «естественной» реакцией на бессилие личности и социальной группы.

Линия противостояния проходит в социокультурной сфере. Россияне убеждены, что культуры мигрантов размывают культурное ядро локальных сообществ, что их приток угрожает социальной стабильности, провоцирует конфликты между принимающим населением и мигрантами; что мигранты не уважают традиции и нормы поведения, принятые в их сообществе.

Россияне полагают, что численность мигрантов чрезмерна: в вышеупомянутом опросе 53% респондентов ответили, что «мигрантов много», еще 28% респондентов убеждены, что мигрантов «слишком много» в их населенном пункте.

Респонденты относительно толерантны к приезжим из Украины, Молдовы. В отношении других этнических групп у респондентов доминируют раздражение, неприязнь, недоверие и страх.

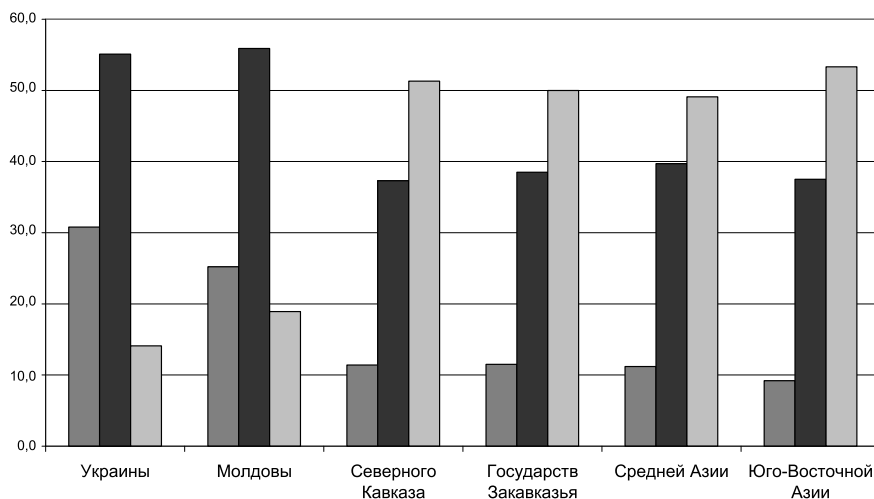

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы рядом с Вами поселилась самая обычная семья приезжих из ...» (ответившие, %, N=11877)

⁶ Уровень межличностного доверия крайне низок по сравнению с развитыми государствами: почти половина респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, большинству людей можно доверять или большинству людей нельзя доверять?» – ответили, что большинству людей нельзя доверять [Межличностное и институциональное доверие 2008]). В другой формулировке вопроса: «Как Вы считаете, большинству людей можно доверять или в отношениях с людьми следует быть осторожными?» – только 15% - 30% респондентов отметили, что большинству людей можно доверять [Межличностное доверие... 2008, Стоит ли доверять... 2010]. Отмечалось, что уровень межличностного доверия в России существенно ниже, чем в странах ЕС [Яковлева 2005]. Столь же невысок уровень доверия россиян и к социальным институтам. [Сасаки, Латов...2010]

Рестрикционная миграционная политика поддерживается подавляющим большинством россиян: 55% согласились бы с запретом принимать мигрантов на постоянное проживание в своем населенном пункте, 48% – с запретом на временное проживание. В более позднем опросе Левада-Центра (сентябрь 2010 г.) 37% респондентов солидаризировались бы с ограничением проживания на территории России выходцев с Кавказа, около трети – выходцев из Юго-Восточной Азии и 27% – из Средней Азии [О депортации...2010].

Таблица 1. **Распределение ответов на вопрос: «В каких мигрантах нуждается Россия?»**
(ответившие, %)

Стране нужны только те мигранты, которые хотят остаться здесь жить навсегда	15,4
Стране нужны только те мигранты, которые приезжают только на заработки и не собираются здесь жить постоянно	16,0
Стране нужны и те, и другие мигранты	14,4
Стране не нужны ни те, ни другие мигранты	37,5
Не знаю, нет ответа	16,7

Политизированность обыденного сознания, представления о доминировании государственных интересов над групповыми и личными наглядно отразились в ходе обследования. Особо распространена точка зрения, что никакие мигранты России не нужны, среди жителей тех мест, где мигрантов нет (55% из них придерживается этого взгляда). Представления о том, что мигранты России не нужны, преобладающие в общественном мнении – в значительной мере конструкт, базирующийся не на личном опыте, а сформированный социальной средой, особенно информационным пространством.

Общественные настроения и политика – одно, собственная выгода – совершенно другое. Россияне все чаще привлекают мигрантов к работам, которые несподручно, либо невозможно сделать самому или используя местных работников. Масштабы использования труда мигрантов россиянами – физическими лицами впечатляют: судя по результатам исследования, не менее 3,5 млн взрослых россиян имеют опыт такого найма, в том числе около 1 млн чел. – в 2008 г.

Основным преимуществом мигрантов по сравнению с местными работниками в глазах респондентов является дешевизна их труда – на это указали 89% опрошенных. Среди других преимуществ назывались: «они готовы работать, сколько надо» (30%), «их легче и быстрее найти» (26%), «они более дисциплинированы» (20%). Один респондент резюмировал преимущества мигрантов: «и выгодно, и деваться им некуда, и не воруют». В «плюс» мигрантам ставят цену работы (87% опрошенных), сроки выполнения работ (83%), качество работы (75%), честность, порядочность работников (77%), их исполнительность, обязательность, надежность (72%).

Россияне достаточно скептически относятся к перспективам интеграции мигрантов. В образе жизни мигрантов есть особенности, с которыми местным жителям трудно примириться – с данным утверждением солидаризировались две трети опрошенных астраханцев и самарцев. Тезис, что местные «никогда не будут считать мигрантов своими» поддержали 53% астраханцев и 50% самарцев, большинство из них не посоветовало бы мигрантам переезжать на постоянное жительство в их город⁷.

⁷ Опрос Института социологии РАН, 2009 г., 606 респондентов. Обследования Института социологии РАН в Самаре и Астрахани в 2005, 2006, 2008-2010 гг. проводились в рамках грантов РГНФ 05-03-03083а «Анализ сетевых связей и адаптационных возможностей мигрантских этнических меньшинств», 06-03-00282а «Изучение факто-

Даже если неприятие мигрантов принимающим населением надуманно, оно является серьезной социальной проблемой, так как воспринимается таковой россиянами. Сами мигранты далеко не овечки: многие из них либо не знают, либо игнорируют общепринятые образцы и традиции принимающего сообщества: часть мигрантов, особенно молодых, приезжающих на заработки из сельской местности, не обладают знаниями, квалификацией, плохо владеют русским языком и не стремятся к адаптации в России. Сегодня в Россию прибывают мигранты из посылающих обществ с другой культурой планирования биографии и принятия решений: все чаще мы сталкиваемся с тем, что мигрант приезжает не вследствие индивидуального выбора, а по решению семьи, рода, клана⁸.

В то же время среди части мигрантов широко распространены интеграционные настроения и ожидания, резко контрастирующие с настроениями принимающего населения. Эти мигранты оптимистично (вероятно, чрезмерно) оценивают отношение к ним местного населения и перспективы интеграции. Две трети азербайджанских и половина таджикских трудовых мигрантов, опрошенных в Астрахани и Самаре, однозначно связывают свое будущее с Россией⁹. Среди киргизских и узбекских мигрантов, позже появившихся на российских рынках труда, также распространены интеграционные настроения: 20% опрошенных киргизов и узбеков были намерены остаться в России¹⁰. Причем, решающую роль играют изначальные установки мигранта исключительно на заработок, либо на решение других задач – получение образования, профессии, повышение квалификации и т.п. Большую готовность к интеграции проявляют те мигранты, которые стремятся к вложениям в «человеческий капитал».

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Какие надежды, планы были связаны у вас с приездом в Астрахань/Самару?»
(доля ответивших положительно по каждому пункту, %)

Планы приезда связаны с тем, чтобы ...	Мигранты, ориентированные на постоянное жительство	Временные трудовые мигранты
найти интересную работу	64,7	38,3
заработать денег для себя и родственников	53,3	46,7
сделать быструю карьеру	71,6	28,4
открыть свое предприятие, магазин и т.п.	70,9	29,1
продолжить образование	77,1	22,9
приобрести профессию, повысить квалификацию	74,3	25,7

Источник: Институт социологии РАН, Астрахань, Самара, 2008, 422 респондента.

ров восходящей социальной мобильности представителей мигрантских этнических меньшинств в российских локальных социумах», 08-03-00263а «Анализ социальных практик, способствующих теневой занятости трудовых мигрантов», 09-03-00374а, «Анализ различий в восприятии социальной среды российских городов иноэтничными трудовыми мигрантами и принимающим населением».

⁸ Из 17 выборочных обследований представителей азербайджанского, таджикского, киргизского и узбекского меньшинств в Астрахани, Самаре и Москве, проведенных Институтом социологии РАН и ЦЭПРИ в 2005, 2006, 2008 и 2010 гг., в девяти из них менее половины респондентов приняли решение о приезде в Россию самостоятельно.

⁹ Институт социологии РАН, Астрахань, Самара, 2008, 422 респондента.

¹⁰ Институт социологии РАН, Астрахань, Самара, 2010, 600 респондентов.

Социальные практики первичной адаптации мигрантов существенно отличаются от формальных, нормативно предписанных процедур: для мигрантов особо значимо быстрое и успешное включение в рынок труда и решение проблемы жилья. Либерализация миграционной политики в последние годы принесла ощутимые плоды, однако плохая организация и сопряженные с этим затраты времени стимулируют мигрантов прибегать к помощи посредников для получения необходимых документов, при поиске работы, жилья. Повседневные практики получения разрешений на работу, поиска работы, постановки на миграционный учет и получения медицинских документов способствуют формированию теневых бизнес-структур, тесно взаимосвязанных с государственными органами. Сформировался своеобразный теневой рынок услуг, предоставляемых юридическими и физическими лицами, с многомиллиардными оборотами, составляющими не менее 20 млрд руб. (2008 г.). Наряду с разовыми выплатами за получение разрешительных документов и поиск жилья, серьезным обременением для мигрантов являются постоянные выплаты посредникам за поиск работы и решением проблем с работодателем, составляющие ежемесячно 10–15% зарплаты.

Институционализация неправовых практик основных акторов политики интеграции способствует социальной исключенности этнических мигрантов. С одной стороны, изоляция – возможная стратегия общины мигрантов, с другой – результат политики принимающего общества. И дело не только в бытовых, чаще всего, не складывающихся отношениях между представителями общины и местным населением. Огромное значение приобретает действенность социальных, экономических, культурных институтов, призванных обеспечивать социализацию населения. Однако в современных условиях они слабо ориентированы на социализацию мигрантов, прибывающих из других социумов.

Вызовы социальной исключенности мигрантов

Доминирующие в российском обществе антимигрантские настроения, одобрение большинством населения административных и иных мер, препятствующих интеграции мигрантов, создают специфический фон для дискриминационных, получивших широкое распространение социальных практик на рынках труда и жилья.

На рынке труда дискриминация проявляется в ограничении доступа представителей мигрантских меньшинств к отдельным видам работ и сферам занятости, в оплате труда и его условиях. Отсутствие свободного доступа к рынкам труда, правам в сфере труда, социальной защите и социальному диалогу – российские реалии, с которыми сталкивается большинство трудовых мигрантов и значительная часть иммигрантов.

Не менее выражена дискриминация на рынке жилья: практически во всех регионах встречаются объявления «сдам русской семье», «сдам славянам», реже – «кавказцев просим не беспокоить». Для того чтобы преодолеть отказ, мигрантам приходится переплачивать. И даже если стоимость найма жилья не выходит за пределы общепринятого разброса цен, этнические мигранты сталкиваются с более жесткими или формализованными условиями найма.

Дискриминация усиливает стремление к изоляции, совместному проживанию среди «своих»¹¹. Изоляция мигрантов, отчасти вынужденная, способствует их социальной исключенности.

¹¹ 37% азербайджанцев и половина таджиков высказали пожелание жить среди земляков, лишь каждый восьмой стремился жить среди местных, половине азербайджанцев и 38% таджиков было все равно где жить (Институт социологии РАН, Астрахань, Самара, 2008).

В российском обществе идет процесс стратификации этнических групп, выстраивания их иерархии, как и иных социальных групп, когда представителям мигрантских меньшинств отведена определенная социальная ниша. Последствия этносоциальной стратификации очень серьезны. Во-первых, социально-экономическая дискриминация, этносоциальная стратификация и сепарация иноэтничных мигрантов поддерживают и воспроизводят этническую идентичность в ущерб гражданской, становясь серьезным препятствием формирования гражданского общества. Во-вторых, этносоциальная стратификация и сегментация общества по этническому основанию, практики использования принудительного труда иноэтничных мигрантов подрывают общественные устои, подвергают эрозии общественные нормы и ценности. В-третьих, сепарация иноэтничных мигрантов, формирование субкультурных мигрантских анклавов в принимающей среде, в том числе территориальных анклавов, становится проблемой, угрожающей социально-экономической и политической стабильности, особенно на локальном уровне. Так, в настоящее время подобные процессы идут в российских городах преимущественно вблизи крупных торговых точек и других мест массовой занятости иноэтничных мигрантов. Большинство россиян полагают, что власти не должны допускать концентрированного проживания мигрантов в отдельных городах и районах России [Иностранцы мигранты...2008]. Однако руководство ряда субъектов Федерации, попустительствуя ксенофобным настроениям, планирует создание своеобразных мигрантских гетто. В-четвертых, этническая дискриминация постепенно распространяется на всех представителей данного мигрантского меньшинства, включая имеющих российское гражданство. В-пятых, этническая дискриминация непосредственно угрожает функционированию базовых социальных институтов: особенно опасны угрозы деградации государственной службы, армии, правоохранительных органов, судебной системы, институтов семьи, образования.

Осуждение ксенофобии и мигрантофобий строится, исходя из этических соображений. Пора понять: ксенофобия непрагматична; она, растаскивающая общество по этническим клеткам, угрожает российской государственности.

Борьба с дискриминационными практиками, противодействие социальной исключенности мигрантов становится социально значимой проблемой, выходящей за рамки собственно миграционной политики и политики интеграции. Сегодня социальная исключенность мигрантов – проблема самих мигрантов. Однако завтра это может стать вызовом для российского общества: социальная исключенность мигрантов становится непозволительной роскошью, угрожающей социальной стабильности. Следует отдавать отчет, что политика интеграции испытывает и еще долгие годы будет испытывать серьезное влияние исторического опыта и традиций: закрытости советского общества; отсутствия укоренившихся традиций иммиграции; укоренившихся представлений о действенности административных мер, механизмов и инструментов; доминирования политических и административных соображений над экономическими; предпочтений, отдаваемым решению конъюнктурных задач в ущерб долгосрочным; неоимперского мышления.

Серьезное воздействие на иммиграционную политику и политику интеграции оказывают и особенности общественного сознания: политизированность и неразвитость экономического мышления; представления о доминирующей роли государственных интересов (в ущерб групповым и личным), являющиеся базовыми; упрощенский взгляд на социальные процессы, восприятие сложных социальных процессов в черное-белом свете; представления о жесткой экономической детерминированности миграционных процессов, о мотивации к миграции с позиций рационального выбора индивидуума; представление о целесообразности, которая может быть превыше Закона; разрыв между законодательством и правоприменительной практикой; слабость институтов гражданского общества, неразвитость

гражданского самосознания и отсутствие традиций гражданского контроля в России; экспансия культуры цинизма; отсутствие традиций социального диалога.

Контуры политики интеграции

Разные категории мигрантов в разной степени нуждаются в интеграции: для одних групп достаточно первичной адаптации, тогда как другие нуждаются в интеграции. Политика интеграции должна быть дифференцирована по отношению к разным группам мигрантов: репатриантам-соотечественникам, иммигрантам, трудовым мигрантам, и основываться на четких и ясных процедурах языковой, культурной, социальной, экономической адаптации и интеграции.

Таблица 3. Потребности разных групп мигрантов в адаптации/интеграции

Категории мигрантов	Виды адаптации/интеграции			
	Языковая	Культурная	Социальная	Экономическая
Соотечественники	–	+	+	+
Иммигранты	+ /++	++	++	++
Гастербайтеры	+	+	+	+

Примечания: ++ - интеграция, + - адаптация, - нет необходимости

Меньше всего нуждаются во вторичной социализации репатрианты-соотечественники, прекрасно владеющие русским языком, знающие российскую культуру. Но несмотря на это, и они нуждаются в социальной, культурной и экономической адаптации.

С самыми серьезными проблемами сталкиваются иммигранты, приезжающие в Россию на постоянное (преимущественное) жительство, испытывающие потребность в интеграции во всех сферах. Даже иммигранты из бывших республик СССР плохо знают русский язык и культуру принимающего населения, их знания о социально-экономических реалиях современной России крайне поверхностны; особенно справедливо это замечание для молодежи, социализировавшейся в новых независимых государствах после распада СССР. С еще большими проблемами сталкиваются иммигранты из традиционного зарубежья, многие из которых не владеют русским языком в необходимом для повседневной жизни объеме.

Гастарбайтеры, ориентированные исключительно на заработок, нуждаются хотя бы в элементарном знании языка, традиций, культуры и норм поведения принимающего социума. При этом следует учесть: часть трудовых мигрантов, прибывших на заработки, со временем, по мере адаптации (которая прямо пропорциональна времени, проведенному в России), пересматривают свои жизненные планы, ориентируясь на получение вида на жительство или российского гражданства.

Политика интеграции должна учитывать не только конъюнктурные, но и долгосрочные вызовы. С учетом проблемы второго поколения мигрантов становится очевидным, что если не обращать внимания на социализацию детей мигрантов, России грозит столкнуться с проблемой «трудных кварталов», с которой уже столкнулись страны Западной Европы. И особенное внимание должно уделяться по-

литике интеграции детей гастарбайтеров, родители которых слабо адаптированы к социальным реалиям принимающего общества.

Если прием иммигрантов сопряжен с проблемами сегодняшними, то прием гастарбайтеров – с проблемами завтрашнего дня. Масштабы потоков иммигрантов, репатриантов и временных трудовых мигрантов несоразмерны: в последнее время численность иммигрантов колеблется от 270 тыс. до 280 тыс. чел. ежегодно¹², численность репатриантов (2007–2009 гг.) составила 14,5 тыс. человек [Мониторинг реализации... 2009, с. 7]. Тогда как численность трудовых мигрантов измеряется миллионами: в 2008 г. – 4,8 млн чел., в 2009 г. – 4,0 млн чел. [Консенсус-оценка... 2010].

Учитывая, что основной контингент иностранных граждан в России сегодня – временные трудовые мигранты, главный акцент интеграционной политики должен быть сделан на этой категории мигрантов.

Было бы заблуждением считать, что в знаниях традиций, обычаев, культуры другой стороны нуждаются лишь мигранты. Принимающее население также нуждается в элементарных знаниях традиций и особенностей поведения и социальных коммуникаций мигрантов, прибывающих из других обществ. Просвещение принимающего населения – задача масс-медиа и масс-культуры, сферы публичной политики. Возможные проводники (*акторы*) политики интеграции – органы государственной власти и местного самоуправления, работодатели и другие бизнес-структуры, специализирующиеся на мигрантских бизнес-сервисах, НПО.

Таблица 4. Специализация акторов на видах образования мигрантов

Актеры	Виды образовательных программ		
	Языковые	Культурные (знакомство с традициями, обычаями, культурой)	Профессиональные
Федеральные власти	–	+	+
Региональные власти	+	+	–
Органы местного самоуправления	+	+	–
Работодатели	–	–	+
Другие бизнес-структуры	–	+	+
НПО	+	+	–

Важнейший вопрос – разграничения компетенций акторов, имеющих разные интересы и потенциал, от взаимодействия которых зависит эффективность политики интеграции.

Политика интеграции в контексте проблем миграционной политики

Концептуальное осмысление политики интеграции предполагает адекватную оценку вызовов и угроз, проистекающих из различных альтернатив ее реализации

¹² По всей видимости, данные завышены: с 2007 г. в численность иммигрантов включаются иностранцы, получившие разрешение на временное проживание в текущем году, независимо от года прибытия в Россию. При наличии ежегодно устанавливаемых квот разрешений на временное проживание, получить такое разрешение достаточно сложно и ожидание может растянуться на годы. В 2009 г., по официальным данным, миграция полностью компенсировала естественную убыль; вероятно, это не соответствует реальной картине.

и степени достижения поставленных задач. В то же время политика интеграции производна от целей и задач миграционной политики: курс миграционной политики напрямую отражается на выборе инструментов и эффективности политики интеграции.

Иммиграция и внешняя трудовая миграция, при их очевидной взаимозависимости, на национальном уровне решают разные задачи: поддержание потенциала демографического и экономического развития, решение стратегических задач геополитического развития предполагают необходимость увеличения притока иммигрантов и облегчения их интеграции. Для решения задач экономического развития, обеспечения экономики России рабочей силой, достаточно привлекать, по мере необходимости, временных трудовых мигрантов.

Следует определиться концептуально: в ком Россия нуждается в первую очередь – в работниках или будущих гражданах? От ответа на этот вопрос зависит выбор курса миграционной и, соответственно, интеграционной политики: либо ограничение иммиграции при поощрении трудовой иммиграции, либо либеральной (хотя и селективной) иммиграции, сопровождающейся жестким регулированием трудовых мигрантов. В первом случае делается ставка на циркуляцию временных трудовых мигрантов, призванных ликвидировать дефицит трудовых ресурсов; доступ к процедурам получения вида на жительство и натурализации для этой категории мигрантов ограничивается, и при этом приток иммигрантов, соответственно, сдерживается. Во втором случае акцент переносится на иммигрантов, которые рассматриваются как потенциальные граждане России, приток временных трудовых мигрантов допускается, но не поощряется.

С экономической точки зрения, учитывая острейший дефицит рабочей силы в ближайшие годы (который не может в таких масштабах компенсироваться иммиграцией на постоянное жительство), приоритетным направлением должно стать использование труда временных трудовых мигрантов. Это не лишено оснований: социально-экономическое развитие России диктует устойчивый внутренний спрос на труд мигрантов, который структурно обусловлен потребностями современной, пост-индустриальной экономики. В массовых масштабах труд мигрантов востребован на рабочих местах, характеризующихся плохими или тяжелыми условиями труда, сезонностью, низкими заработками, к которым местное население настроено индифферентно.

Политика ограничения иммиграции при поощрении трудовой миграции, предполагающая увязку потоков трудовых мигрантов с ситуацией на локальных рынках труда, имеет серьезные ограничения. Во-первых, достаточно сложно регулировать потоки мигрантов в региональном разрезе в соответствии с конъюнктурой на рынке труда. Во-вторых, некоторые из самых совершенных процедур регулирования миграции могут быть неэффективными, потому что крайне трудно предвидеть реакцию как главных игроков на рынке труда, так и мигрантов. В-третьих, что особенно важно, такая политика сопряжена с возрастающими угрозами дестабилизации социально-политической обстановки. Дело в том, что массовая внешняя трудовая миграция ведет к концентрации мигрантов в нижней части социальной пирамиды. Изначально готовые на любые социально-экономические условия, «по прошествии некоторого времени они начинают ощущать себя представителями дискриминируемого меньшинства, для которого закрыты многие возможности» [Вишневский 2005, с. 252].

Кроме того, политика, строящаяся на предположении о том, что мигрантов можно будет допускать в страну по мере необходимости и отсылать обратно, когда такая необходимость в них отпадает, обречена на провал: «такая политика, которая основана на стремлении превратить миграцию в орудие преодоления последствий цикличности с целью выправления нестабильности на рынке труда, потерпела неудачу во всех регионах, где ее пытались применить» [За справедливый подход...

2004, с. 115]. Как показывает опыт многих стран, «нет ничего более постоянного, чем временные работники» [Massey, Douglas, Arango 1998, p. 9; За справедливый подход... 2004, с.123].

Социально-политические вызовы и угрозы, проистекающие из реализации политики ограничения иммиграции при поощрении трудовой миграции достаточно серьезны и могут перевешивать экономические выгоды от пополнения трудовых ресурсов за счет привлечения мигрантов.

Ставка на массовую иммиграцию также сопряжена с рисками. В миграционных процессах сильно инерция прошлого, в некоторых случаях миграционные потоки трудно, а зачастую невозможно повернуть вспять. По гуманитарным соображениям, например, практически невозможно запретить въезд в страну членам семей тех иммигрантов, которые являются резидентами, или имеют другие легальные основания для проживания.

Наиболее перспективной представляется политика селективной иммиграции и регулирования потоков временных трудовых мигрантов путем законодательно оформленных и транспарентных процедур доступа мигрантов к российскому рынку труда, обеспечения их прав. В сущности, эта политика является компромиссным вариантом минимизации экономических и социально-политических вызовов, вытекающих из двух вышеописанных стратегий.

Селекция иммигрантов могла бы базироваться на тех подходах, которые достаточно успешно реализуются Австралией, Канадой, и учитывать потребности страны в иммигрантах с конкретными социально-демографическими и профессиональными характеристиками. При регулировании потоков временных трудовых мигрантов, следует учитывать возможности их адаптации и интеграции не в меньшей мере, чем потребности локальных рынков труда в рабочей силе определенного качества.

Деление мигрантов на временных (трудоустроенных) и постоянных (иммигрантов) чрезвычайно условно и не отражает их жизненных планов и ориентаций. Среди трудовых мигрантов велика доля тех, кто живут и работают практически постоянно в России [ФМС России 2009]. Многие из них давно перевезли семьи или обзавелись семьями в России и практически потеряли связь со страной происхождения. Однако из-за того, что они вынуждены получать разрешение на работу и становиться на миграционный учет, они числятся как временные мигранты. Следует напомнить, что разрешение на временное проживание, дающее определенную свободу действий, крайне сложно получить: в 2009 г. квота таких разрешений составляла 200,3 тыс., а в 2010 г. – снизилась до 159,5 тыс. разрешений [Правительство Российской Федерации 2008; Правительство Российской Федерации 2009].

И, напротив, среди владельцев разрешений на временное проживание, вида на жительство встречаются лица, жизненные планы которых не включают интеграцию в российское общество. Будучи фактически временными мигрантами, они учитываются как иммигранты. Есть такие и среди обладателей российского гражданства: в условиях огромного разрыва между правами гражданина и правами человека, получение российского гражданства является самым надежным средством обеспечения элементарных человеческих прав и свобод. Для многих выходцев из новых независимых государств получение российского гражданства становится не заключительным этапом интеграции в принимающее сообщество, а начальным этапом адаптации.

Нет резона ни разбрасываться российским гражданством, ни ограничивать доступ к разрешениям на временное проживание: предлагается более логично выстроить систему «лифта» адаптации и интеграции: временное пребывание/разрешение на работу – временное проживание/разрешение на работу¹³ – вид на жи-

¹³ Временно пребывающие и временно проживающие иностранцы нуждаются в разрешении на работу.

тельство – гражданство. А мигрант имел бы выбор – в зависимости от личных планов – использовать ли предоставляемые возможности или отказаться от них. Необходимо резко увеличить квоты разрешений на временное проживание, не заставляя законопослушных трудовых мигрантов проводить время в очередях, и смелее предоставлять вид на жительство¹⁴.

Сегодня же ситуация складывается весьма странная: провозгласив в 2006 г. курс на либерализацию миграционной политики и декларируя необходимость интеграции мигрантов [Концепция... 2008], государство периодически предпринимает усилия, идущие вразрез с обозначенным курсом. Иностранцы, заинтересованные в скорейшей интеграции и натурализации, постоянно сталкивались с сюрпризами: ограничением сфер занятости, распространением квот выдачи разрешений на временное проживание на лиц, прибывающих в Россию в безвизовом порядке¹⁵, сокращением этих квот, ужесточением порядка предоставления гражданства. С еще большими сложностями сталкиваются трудовые мигранты, зависящие от чехарды с квотами разрешений на работу, пляшущими от 6 млн разрешений до 1,8 млн разрешений и корректируемыми несколько раз в год¹⁶. Ужесточение порядка предоставления разрешений делает бессмысленной мотивацию для мигранта: для получения разрешительных документов необходимо затратить до половины времени действия этого разрешения, что, в свою очередь, способствует выталкиванию мигрантов в «теневую» занятость, затрудняющую их адаптацию¹⁷.

Спонтанность, нетранспарентность и непоследовательность последствий принимаемых технократических мер – лишь один пласт проблем миграционной политики. Серьезные нарекания вызывает дискурс миграционной политики и политики интеграции. Идеология миграционной политики, базирующаяся на вере в безграничные возможности регулирования миграционных потоков, в принципе игнорирует проблемы адаптации и интеграции мигрантов. Доминирует технократическая убежденность, что нужно выявить спрос на рабочие руки в тех или иных регионах (да еще в разрезе специальностей) и все проблемы будут решены. (Мечта несбыточная – учитывая не только недостаток информации о ситуации на локальных рынках труда, но чисто технические моменты¹⁸). Вопрос о будущем этих трудовых мигрантов вообще не поднимается, хотя трудно представить ситуацию, при которой эти работники по истечению контракта безропотно покидают территорию России, где есть спрос на их труд.

Меры миграционной политики базируются не на скрупулезных оценках всего возможного спектра социальных последствий принимаемых решений, а исходя из обыденных представлений «здравого смысла».

Один посыл *«мигранты должны конкурировать и снижать оплату местного населения»* – означает, что надо ограничить присутствие первых на российском рынке труда. Многочисленные зарубежные исследования (в России такие не проводились) свидетельствуют, что подобная взаимосвязь не зафиксирована, либо она

¹⁴ В 2009 г. было оформлено лишь 14,3 тыс. видов на жительство. В целом, в России на конец 2009 г. по видам на жительство проживало 51,5 тыс. чел.

¹⁵ Общий порядок предоставления российского гражданства предполагает предшествующее проживание по разрешению на временное проживание, а затем по виду на жительство. Сокращение квот на временное проживание автоматически снижает возможности иностранцев натурализоваться. Однако строгость российского законодательства облегчается возможностями его неисполнения: в последние годы на общих основаниях российское гражданство получало лишь 0,02% претендентов, остальные получали гражданство в упрощенном порядке или в соответствии с международными соглашениями. (С середины 2010 г. порядок предоставления гражданства ужесточен).

¹⁶ В.В. Путин высказался о необходимости снижения квоты на 2010 г. в полтора раза - до 1,3 млн разрешений. [Скобелев 2009]

¹⁷ По оценкам специалистов, в 2009 г. доля нелегальных трудовых мигрантов возросла до 61% по сравнению с 53% в 2008 г. [Консенсус-оценка... 2010].

¹⁸ Более подробно см.: [Мукомель 2009]

крайне незначима [За справедливый подход 2004, с. 34; The Economics... 2005, р. 18–20]. Результат – игнорирование политики интеграции как таковой.

Другой посыл гласит *«нам не нужны неквалифицированные работники, страна нуждается исключительно в высококвалифицированной рабочей силе»*. И здесь не все столь просто: рынок труда предъявляет огромный спрос именно на неквалифицированный труд: рабочие места, которые в массовом порядке занимают мигранты, распространены в строительстве, торговле, сфере услуг. Также явно не хватает инновационный прорыв, при том, что по уровню образования наша страна до сих пор занимает лидирующие позиции в мире, уступая лишь США и, по отдельным позициям, Германии [Трансформация... 2009, с. 108]. И это создает иные проблемы: образование не позволяет российскому потенциальному работнику соглашаться на вакансии, где его образование и квалификация не будут востребованы [Трансформация... 2009, с. 100]. Политика, строящаяся на выталкивании принимающего населения на «плохие» мигрантские места – неразумна и не согласуется с долгосрочными целями развития страны.

Следует признать: во-первых, наши представления о рынке труда далеки от реальности, во-вторых, регулирование миграционных процессов строить на представлениях «о должном» бессмысленно, в третьих, – поведение всех акторов миграционной политики будет соответствовать не умоглядным конструктам, а их интересам.

Идеология миграционной политики исходит из неочевидной посылки, что мигранты из стран СНГ никуда не денутся, Россия для них – единственно возможное направление и так будет всегда. Притягательность России обусловлена не только тем, что в ней есть работа и возможность заработка, но и знанием мигрантами языка принимающего населения и российских реалий, общностью традиций и культур, сохраняющихся и спустя два десятилетия после распада СССР, наличием родственных связей и коммуникаций.

Потенциал иммиграции и временной трудовой миграции из стран СНГ велик. В государствах СНГ от 13 до 26% опрошенных хотели бы переселиться в Россию (в Белоруссии этот процент меньше); от 16% респондентов (Украина) до 52% респондентов (Таджикистан) хотели бы найти работу в России [Исследовательский проект... 2008, с. 7–8]. (С известными оговорками: проектируемые намерения всегда завышены).

Однако столь благоприятная ситуация не вечна: конкуренция за рабочие руки нарастает. Если сегодня реальную конкуренцию России на постсоветском пространстве составляет лишь Казахстан, в ближайшие годы придется конкурировать с Украиной, Азербайджаном, а есть еще и развитые страны, притягательность которых неизменно высока...

Наряду с экономической составляющей важна социальная среда принимающего общества: не всегда и не для всех заработок компенсирует унижения человеческого достоинства, постоянные угрозы жизни и здоровью. Можно не сомневаться, что уже в ближайшем времени мы столкнемся с проблемой конкурентоспособности российской социальной среды, недружелюбной и конфронтационной по отношению к «чужим». Особые нарекания традиционно вызывают действия сотрудников МВД РФ. Если и имеются подвижки, то они принимают карикатурные формы: азербайджанские мигранты жалуются на то, что *«в Москве многие милиционеры уже успели выучить все суммы на нашем языке – от ста рублей и выше»* [Юнусов (1) 2009, с. 244].

Симптоматично, что вслед за странами Балтии, где преобладают индифферентные настроения к перспективам переезда или работы в России, граждане Грузии и Азербайджана также начинают ориентироваться на работу в странах Запада [Юнусов (2) 2009, с. 153–154].

Фундаментальные проблемы политики интеграции

Возможности миграционной политики и сопутствующей ей политики интеграции ограничены: никакие меры и инструменты интеграции не будут эффективны, если не удастся поставить заслон воинствующей ксенофобии, мигрантофобиям и порождаемым ими насилию. Антимигрантские настроения стали постоянным фактором общественной жизни и общественного дискурса; алармистская трактовка последствий иммиграции особо усилилась вследствие кризиса. Власти, масс-медиа и население готовы обсуждать самые немыслимые сценарии, включая спекуляции относительно того, не станут ли преступниками лишившиеся работы трудовые мигранты.

Каналы распространения ненависти к «чужим» известны: масс-медиа, выступления публичных политиков, массовая культура, особенно молодежная субкультура, отдельные представители интеллектуалов. Напрашивается очевидный вывод: достаточно их перекрыть, ввести элементы если не пресловутой политкорректности, то элементарной чистоплотности.

К сожалению, сегодня реализация политики интеграции наталкивается на фундаментальные проблемы.

Во-первых, отсутствует общественный консенсус относительно стратегии развития России. Проблема выбора между привлечением иммигрантов и жестким ограничением иммиграции, о которой говорилось в начале статьи, не может игнорироваться до бесконечности.

Во-вторых, в России нет институтов, которые не на словах, а на деле боролись бы с ксенофобией. В США в свое время решающий вклад в борьбу с расовой сегрегацией внесли четыре института: Верховный суд, армия, спорт и шоу-бизнес. А у нас? Институты, призванные преодолевать проблемы, превратились в институты, их порождающие: вероятно, нужны кардинальные реформы в судебной системе, образовании, армии, правоохранительных органах.

В-третьих, неэффективны институты социализации мигрантов, их адаптации и интеграции. Исключением являются лишь рабочие коллективы, в которых, как демонстрируют исследования, мигранты интенсивно общаются с местными работниками, причем, чаще на русском языке¹⁹. И здесь не обойтись без реформирования системы образования, дошкольного и внешкольного образования, семейного воспитания.

В-четвертых, отсутствуют инструменты согласования интересов различных акторов политики интеграции: федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления, работодателей, иных бизнес-структур, принимающего населения, мигрантов. Провал программы добровольного возвращения соотечественников является следствием, в первую очередь, самонадеянного игнорирования федеральным центром интересов других акторов политики интеграции.

В-пятых, отсутствует четкое разграничение компетенций различных акторов политики интеграции, увязка их полномочий с соответствующим финансированием. Необходимо смещение акцента политики интеграции на локальный уровень, что предполагает становление реального, а не мифического местного самоуправления.

¹⁹ Согласно обследованию, проведенному среди азербайджанских и таджикских мигрантов в Астрахани и Самаре, только 20% трудовых мигрантов работали в преимущественно мигрантских рабочих коллективах, остальные – в коллективах, где преобладали местные работники (37%), либо в смешанных коллективах (35%). Общались на работе на материнском языке лишь 4% мигрантов, основная масса общалась на материнском и русском языках (57%) либо исключительно на русском (39%). Обследование Института социологии РАН, 2008 год, 422 респондента.

Наконец, **в-шестых**, и миграционная политика, и политика интеграции нуждаются в системе общественного контроля со стороны гражданского общества, с которым имеются проблемы. Перспективы миграционной политики и политики интеграции весьма неопределенны без трансформации социальной среды и серьезных институциональных преобразований.

Литература

- Вишневский А.Г. Избранные труды в 2 т. М.: Наука, 2005. Т. 2: Экономическая демография. Анализ демографических процессов. 2005.
- Даффлон Дени Молодежь в России: портрет поколения на переломе // Вестник общественного мнения. Сентябрь–октябрь 2008, № 5 (97).
- За справедливый подход к трудящимся-мигрантам в глобальной экономике. Доклад VI / Международная конференция труда, 92-я сессия 2004 г., Международное бюро труда. – Женева, 2004.
- Иностранцы мигранты в России: как снизить межнациональную напряженность? – ВЦИОМ, пресс-выпуск № 984, 23.06.2008 // http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/10303.html?no_cache=1&cHash=60ac7edfef&print=1
- Исследовательский проект «Гуманитарные интересы граждан новых независимых государств как основания интеграции: что нас сближает, чем мы интересны друг другу?». Апрель–июнь 2008, краткий аналитический отчет. М.: «Международное исследовательское агентство «Евразийский монитор», 2008.
- Кожевникова Г.В. Под знаком политического террора. Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2009 году // <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2010/02/d17889/>
- Консенсус-оценка численности трудовых мигрантов в России, «Консенсус-оценка 9.4.0» // <http://indem.ru/ceprs/Migration/OsItExSo.htm>
- Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утверждено распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р
- Межличностное доверие и взаимопомощь в российском обществе. // Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), 30.04.2008 // <http://bd.fom.ru/report/map/d081723>
- Межличностное и институциональное доверие, ФОМ, 03.07.2008 // <http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0826/d082621>
- Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения в 2007–2009 гг. Краткий вариант / Под общ. редакцией К.О. Ромодановского, М.Л. Тюркина. Москва, 2009 // <http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/files/monitoring.pdf>.
- Мукомель В.И. Новая миграционная политика России: достижения и проблемы реализации // Миграция в современной России: состояние, проблемы, тенденции / Под общ. ред. К.О. Ромодановского, М.Л. Тюркина. М.: ФМС России, 2009.
- Общественное мнение – 2009. М.: Левада-Центр, 2009
- О депортации цыган из Франции. Левада-Центр, 14.10.2010 // <http://www.levada.ru/press/2010101401.html>
- Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 18 декабря 2008 г. № 1886-р
- Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 23 ноября 2009 г. № 1758-р
- Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 г. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2009 // http://www.gks.ru/wps/PA_1_0_S5/Documents/jsp/Detail_default.jsp?category=1112178611292&elementId=1140095525812
- Россия для русских или для всех россиян? Левада-Центр, 07.12.2009 // <http://www.levada.ru/press/2009120702.html>
- Сакаки М., Латов Ю.В., Ромашкина Г.С., Давыденко В.А. Доверие в современной России (компаративистский подход к «социальным добродетелям») // <http://www.finanal.ru/ekonomika-i-finansy/doverie-v-sovremennoi-rossii?page=0,0>

- Скобелев П.* По просьбам трудящихся. Правительство сократит квоту на трудовых мигрантов // Российская газета, 25 декабря 2009 // <http://www.rg.ru/2009/12/25/migr.html>
- Стоит ли доверять людям? // Левада-Центр, 19.05.2010 // <http://www.levada.ru/press/2010051901.html>
- Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения») // <http://www.demoscope.ru/weekly/znagi/issledovanie/pdf/otchet.pdf>
- ФМС России, форма 2-Т (миграция) справка к разделу 2, 2009.
- Юнусов А.С.* (1) Миграционные процессы в Азербайджане. Баку: Адильогл, 2009.
- Юнусов А.С.* (2) Трудовая эмиграция из Азербайджана: стратегии и риски интеграции в рынок труда // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / Под ред. Ж.А. Зайончковской и Г.С. Витковской / ЦМИ, ИНИП РАН. М.: ИТ АдамантЪ, 2009.
- Яковлева Е.* Философский акцент. Россияне чаще думают о смысле жизни, чем европейцы // Российская газета, 13 октября 2005 // <http://www.rg.ru/2005/10/13/smysl.html>
- Massey Douglas S., Arango J., Hugo A., Koucouci A., Pellegrino A., Taylor Ed J.* World in Motion. Understanding International Migration at the End of Millenium. Oxford: Clarendon Press, 1998.
- The Economics of Illegal Immigration. By Chisato Yoshida and Alan Woodland. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2005.